

ГЛАВА 1

МАНИПУЛЯТОР

Иногда у меня возникают очень темные мысли о моей матери — мысли, которые никогда не должны возникать ни у одной нормальной дочери.

Порой я сама себя не понимаю.

— Адди, ты поступаешь смешно, — звучит мамин голос из динамика моего телефона. Я хмуро смотрю на него, отказываясь с ней спорить.

Я не отвечаю, и она громко вздыхает. Я морщу нос. Меня поражает, что эта женщина всегда считала бабушку излишне драматичной, но при этом не замечает своей собственной склонности к драматизации.

— То, что твои бабушка и дедушка оставили тебе дом, еще не значит, что ты должна в нем *жить*. Он старый, и все в этом городе только выиграют, если его снесут.

Я ударяюсь головой о подголовник, закатываю глаза и пытаюсь отыскать крохи терпения в покрытой пятнами крыше моей машины.

Как я умудрилась испачкать ее кетчупом?

— То, что он *тебе* не нравится, не означает, что я не могу в нем жить, — сухо отвечаю я.

Моя мать — сука. Простая и незамысловатая. Она всегда была злобной, и я до сих пор не могу понять, откуда это в ней.

— Это же в целом часе езды от нас! Навещать нас будет невероятно неудобно, разве нет?

О, и как же я вообще выживу теперь?

Добираться до моего гинеколога тоже час, но тем не менее я все равно посещаю ее раз в год. И эти визиты гораздо более мучительны.

— Не-а, — отвечаю я и ставлю звонок на удержание. Хватит с меня этого разговора. Моего терпения хватает лишь на шестьдесят секунд общения с матерью. После я выдыхаюсь и больше уже не имею ни малейшего желания прилагать усилия для его продолжения.

Не одно, так другое. Она всегда находит, на что пожаловаться. В этот раз на мое решение поселиться в доме, оставленном мне бабушкой и дедушкой. Я выросла в поместье Парсонс, бегала бок о бок с его призраками по коридорам и пекла там печенье с бабушкой. И у меня прекрасные воспоминания — воспоминания, с которыми я не хочу расставаться только потому, что мама не ладила с бабушкой.

Мне всегда было непонятно напряжение между ними, но когда я стала старше и начала понимать мамину язвительность и ее завуалированные оскорбления в том смысле, в котором она их употребляла, все стало ясно.

У бабушки был позитивный, светлый взгляд на жизнь, она смотрела на мир сквозь розовые очки. Она всегда улыбалась и напевала, в то время как на маме словно лежит проклятье — вечно угрюма и смотрит на жизнь так, будто ее очки разбились в тот момент, когда ее вытащили из бабушкиного влагилица. Понятия не имею, почему ее личность так и осталась на стадии дикобраза — колючей стервой ее не воспитывали.

Когда я была ребенком, дом моих родителей находилась всего в паре километров от поместья Парсонс. Мать едва терпела меня, а потому большую часть своего детства я провела там. Когда я уехала в колледж, мама переехала за город, добираться оттуда до особняка на машине час. Потом я бросила колледж и переехала к ней — до тех

пор, пока не встала на ноги и моя писательская карьера не пошла в гору.

Тогда я решила попутешествовать по стране, и так и не осела на одном месте.

Бабушка умерла около года назад, завещав мне дом, однако поселиться в поместье Парсонс мне мешало мое горе. До сего момента.

Мама снова вздыхает в трубку.

— Я просто хочу, чтобы у тебя было чуть больше амбиций в жизни вместо того, чтобы застрять в городишке, в котором ты выросла, милая. Сделай что-то большее в своей жизни, не прозябай в этом доме, как твоя бабушка. Я не хочу, чтобы ты стала такой же никчемной, какой была она.

На моем лице появляется оскал, мою грудь разрывает ярость.

— Эй, мам?

— Да?

— Пошла ты.

Я вешаю трубку, со злостью тыкая пальцем в экран, пока не слышу сигнал об окончании звонка.

Как она смеет так говорить о своей собственной матери, которая любила и лелеяла ее? Бабушка уж точно не относилась к ней так, как она относится ко мне.

Понимаю, что поступаю со своей матерью точно так же, как и она, мелодраматически вздыхаю и поворачиваюсь, чтобы взглянуть в боковое стекло. Дом, пробивая верхушкой мрачные тучи, возвышается и нависает над лесистой местностью, словно предупреждая: *бойся меня*. Оглянувшись через плечо, вижу, что густые заросли деревьев сзади выглядят ничуть не заманчивее — их тени выползают из зарослей с выпущенными наготове когтями.

Я дрожу, наслаждаясь зловещим напряжением, исходящим от этого небольшого кусочка утеса. Он выглядит точно так же, как и в моем детстве, и я испытываю не меньший восторг, заглядывая в эту бесконечную черноту.

Поместье Парсонс расположено на склоне утеса с видом на залив, а подъездная дорога к нему длиной в полтора километра тянется через сплошной густой лес. Он изолирует дом от остального мира и создает ощущение, что здесь ты действительно один.

Иногда мне кажется, что я нахожусь на какой-то другой планете, оторванная от цивилизации. Атмосфера тут угрожающая и печальная.

И мне чертовски это нравится.

Дом уже начал разрушаться, однако его можно привести в порядок, и он снова будет выглядеть как новый, если приложить немного усилий. По стенам поместья со всех сторон ползут лианы, поднимающиеся к горгульям, расположившимся на крыше по обе ее стороны. Черная обшивка выцветает, становится серой и начинает отслаиваться, а черная краска вокруг окон скалывается, подобно дешевому лаку для ногтей. А еще мне придется нанять кого-нибудь, чтобы подправить просторное крыльцо, поскольку с одной стороны оно начало провисать.

И давно пора подстричь газон: трава уже почти с меня ростом, поляна перед домом в полтора гектара практически полностью заросла сорняками. Наверняка с тех пор, как ее в последний раз стригли, здесь счастливо обосновалось немало змей.

Бабушка обычно компенсировала мрачный пейзаж поместья красочными цветами во время весеннего сезона: гиацинтами, примулами, виолами и рододендронам.

А осенью по периметру дома распускались подсолнухи, ярко-желтые и оранжевые лепестки которых ярко контрастировали с черными стенами.

Я могу снова разбить сад перед домом, когда наступит подходящее время года. На этот раз я посажу клубнику, салат и травы.

Углубляюсь в эти размышления, когда мой взгляд улавливает какое-то движение сверху. Это развеваются занавески в одиноком окне под самой крышей поместья.

На чердаке.

Насколько я знаю, сквозняка там быть не может, поэтому ничто не могло сдвинуть эти занавески, и все же я уверена в том, что вижу.

На фоне надвигающейся бури поместье Парсонс выглядит словно кадр из фильма ужасов. Я закусываю нижнюю губу, не в силах сдержать улыбку, появляющуюся на моем лице.

Мне это нравится.

Я не могу объяснить почему, но мне очень нравится.

К черту то, что сказала моя мать. Я буду жить здесь. Я — преуспевающая писательница, и могу жить где угодно. И что такого, если я решу жить в месте, которое много для меня значит? Если я останусь в своем родном городе, это не сделает меня ничтожеством. Со своими литературными турами и конференциями я часто заезжаю в самые разные места; то, что я поселюсь в этом доме, ничего не изменит. Я знаю, чего хочу, и мне плевать, что об этом думают другие.

Особенно моя дражайшая мамочка.

Тучи зевают, и из их уст льет дождь. Я хватаю сумочку и выхожу из машины, вдыхая свежий запах дождя. В считанные секунды из легкой мороси он превращается в ливень. Я взбегаю по ступенькам крыльца и стряхиваю капли воды с рук и тела, словно мокрая собака.

Я люблю грозы — просто не люблю в них находиться, предпочитая уютно устроиться под одеялом с кружкой чая и книгой и слушать, как стучит дождь снаружи.

Вставляю ключ в замок и поворачиваю его. Однако он застрекает, не поддаваясь больше ни на миллиметр. И я дергаю его, пока механизм наконец не проворачивается, и у меня не получается отпереть дверь.

Похоже, придется починить и это.

Открываю дверь, меня обдает леденящей прохладой. Вздрагиваю от сочетания холодного дождя, капли которого все еще покрывают мою кожу, и зябкого, спертого

воздуха. В доме царит полумрак; в окна пробивается уга-сающий тусклый свет солнца, которое постепенно скрывается за серыми грозowymi тучами.

Кажется, начать рассказ мне следовало бы со слов: «Стояла темная грозовая ночь...»

Поднимаю взгляд и улыбаюсь, видя черный ребристый потолок, составленный из сотен тонких, длинных брусочков дерева. Над моей головой, замысловато изогнувшись, висит большая люстра из стали с кристаллами на кончиках. Она всегда была самой ценной вещью для бабушки.

Черно-белые шахматные полы ведут прямо к черной парадной лестнице — достаточно широкой, чтобы вместить рояль, — и перетекают в гостиную. Я иду дальше, мои ботинки поскрипывают на плитке.

Этот этаж представляет собой открытое пространство, и создается ощущение, будто громадина дома способна проглотить тебя целиком.

Гостиная располагается слева от лестницы. Я поджимаю губы и оглядываюсь вокруг, меня пронзает ностальгия. Все покрыто пылью, стоит запах нафталина, но дом выглядит точно так же, каким я видела его в последний раз, прямо перед смертью бабушки в прошлом году.

В центре гостиной у крайней левой стены расположен большой камин из черного камня, а вокруг него стоят красные бархатные диванчики. Перед ними — богато украшенный деревянный журнальный столик с пустой вазой из темного дерева. Раньше бабушка ставила в нее лилии, но теперь в ней лишь пыль и засохшие тушки жуков.

Стены здесь оклеены черными обоями с узором пейсли¹, дополняющими тяжелые золотистые шторы.

¹ Пейсли — узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Также иногда называется турецким или индийским огурцом, слезами Аллаха, ботех или бута. Во всех культурах — символ жизни и плодородия.

Один из моих любимейших уголков дома — это огромный эркер в его передней части, из которого открывается великолепный вид на лес за поместьем Парсонс. Прямо перед окном стоит красное бархатное кресло-качалка и соответствующий ему табурет. Бабушка часто сидела в нем, глядя на дождь; она рассказывала, что ее мать всегда делала так же.

Шахматная плитка продолжается на кухне с красивыми черными шкапами и мраморными столешницами. В центре — массивный остров с черными барными стульями с одной стороны. Мы с дедушкой частенько сидели здесь, наблюдая, как бабушка готовит что-то вкусненькое и напевает себе под нос.

Бросаюсь к высокой лампе у кресла-качалки и включаю свет, прогоняя воспоминания. И когда лампа начинает излучать мягкое маслянистое свечение, я облегченно вздыхаю. Несколько дней назад я звонила в коммунальную службу, чтобы они оформили дом на мое имя, однако, когда имеешь дело с таким старым поместьем, никогда нельзя быть полностью уверенным.

Затем я иду к термостату, и цифры на нем заставляют меня еще раз вздрогнуть.

Шестнадцать чертовых градусов.

Вдавливаю большим пальцем стрелку вверх и не останавливаюсь, пока температура не поднимается до двадцати трех. Не имею ничего против прохлады, но я бы предпочла, чтобы мои соски не прорезали одежду.

Оборачиваюсь и окидываю взглядом мой старый и новый дом — дом, в котором живет мое сердце с момента, с которого я себя помню, даже если мое тело и покидало его на какое-то время.

А затем улыбаюсь, наслаждаясь готическим великолепием поместья Парсонс. Именно таким задумали его мои прабабушка и прадедушка, и этот дух передавался из поколения в поколение. Бабушка часто говорила, что больше всего ей нравилось, что самой яркой деталью в комна-

те была она. И все же, несмотря на это, у нее были старческие предпочтения.

Я имею в виду, в самом деле, для чего у этих белых подушек кружевная кайма по краям и какой-то странно вышитый букет посередине? Это вовсе не мило. Это уродливо.

Я вздыхаю.

— Что ж, бабушка, я вернулась. Как ты и хотела, — шепчу я в пустоту.

— Ты готова? — спрашивает моя личная помощница.

Я бросаю взгляд на Мариетту, стоящую подле меня, и отмечаю, насколько рассеянно она протягивает мне микрофон. Ее внимание приковано к людям, все еще продолжающим стягиваться в небольшое здание. Этот местный книжный магазинчик не рассчитан на такое количество народа, однако каким-то образом они все же сумели собрать у себя это полчище: люди набиваются в тесное помещение, выстраиваются в очередь и ждут, когда я начну раздавать автографы.

Мой взгляд блуждает по толпе, я беззвучно считаю их. После тридцати сбиваюсь со счета.

— Ага, — отвечаю я.

Беру микрофон, и, когда всеобщее внимание обращается на меня, ропот стихает. На меня устремляются десятки глаз, отчего мои щеки вспыхивают румянцем. Моя кожа покрывается мурашками, но я люблю своих читателей, а потому справляюсь с этим.

— Прежде чем мы начнем, я хочу поблагодарить вас всех за то, что вы пришли. Я ценю каждого из вас и невероятно взволнована встречей с вами. Вы готовы?! — спрашиваю я, добавляя своему тону оживления.

Не то чтобы я не была взволнована, просто обычно во время автограф-сессий чувствую себя крайне неловко. Я не очень хороша, когда дело доходит до социальных взаимодействий. Я из тех, кто после заданного вопроса с застывшей улыбкой пялится собеседнику в лицо, пока мозг пытается осмыслить тот факт, что я даже не расслышала вопроса. Чаще всего из-за того, что гул моего сердца отдается эхом в ушах.

Я устраиваюсь в кресле и достаю свою ручку. Мариетта быстренько желает мне удачи и убегает решать другие вопросы. Она уже не раз становилась свидетельницей моих казусов с читателями и имеет привычку смущаться вместе со мной. Полагаю, это один из недостатков работы представителя социального изгоя.

Вернись, Мариетта. Все гораздо веселее, когда смущаюсь не я одна.

Ко мне, с моей книгой «Странник» в руках, подходит первая читательница; на ее веснушчатом лице сияет улыбка.

— Боже мой, как же классно с вами познакомиться! — восклицает она, почти пихая книгу мне в лицо.

Теперь мой ход.

Я широко улыбаюсь и осторожно беру книгу.

— Мне тоже очень приятно с тобой познакомиться, — отвечаю я. — И, эй, мы обе в команде «Веснушки», — добавляю я, указывая пальцем на наши лица. Она издает немного неловкий смешок, ее пальцы касаются щеки. — Как тебя зовут? — поспешно спрашиваю я, пока мы не увязли в странном разговоре о коже.

Боже, Адди, а что если она ненавидит свои веснушки? Ты тупица.

— Меган, — отвечает девушка, а затем диктует мне имя по буквам.

Моя рука дрожит, пока я старательно вывожу ее имя и кратенькую благодарственную записку. Мой автограф

небрежен, однако именно это и отражает всю полноту моего существования.

Возвращаю книгу и с искренней улыбкой благодарю читательницу.

Когда приближается следующий читатель, мое лицо застывает в напряжении. Кто-то пялится на меня. Чертовски глупая мысль, учитывая, что *все* здесь пялятся на меня.

Стараюсь не обращать на это внимания и одариваю подошедшего широкой улыбкой, однако это чувство только усиливается, пока не возникает ощущение, что под поверхностью моей кожи жужжат пчелы, а к моей плоти подносят горящий факел. Это... это не похоже ни на что, когда-либо испытанное мной раньше. Волоски на моей шее приподнимаются, и я чувствую, как щеки становятся ярко-красными.

Часть моего внимания сосредоточена на книге, которую я подписываю, и на восторженном читателе, а вторая половина — на толпе. Глаза неуверенно шарят по просторам книжного, пытаюсь определить источник моего дискомфорта, стараясь не выдать себя.

Мой взгляд останавливается на одиноком человеке в самом конце. Мужчине. Толпа почти полностью заслоняет его, сквозь просветы между головами посетителей проглядывают лишь отдельные фрагменты его лица. Но от того, что я вижу, моя рука замирает, не дописав.

Его глаза. Один — темный и бездонный, что кажется, будто смотришь в колодец, а второй — льдисто-голубого цвета, совсем светлый, почти белый, как у хаски. Через выцветший глаз тянется шрам, как будто он и без того не привлекает внимания.

Когда слышу осторожное покашливание, я вздрагиваю, отвожу взгляд и снова возвращаюсь к книге. Моя ручка застыла на одном месте, оставив жирную чернильную точку.

— Извините, — бормочу я, завершая подпись. Беру закладку, лежащую рядом, и в качестве извинения подписываю ее и вкладываю в книгу.

Читатель улыбается мне, уже забыв о моей оплошности, и скрывается вместе со своей книгой. Когда я снова поднимаю взгляд, чтобы найти мужчину, его уже нет.

— Адди, тебе нужно потрахаться.

Я сжимаю губами соломинку и втягиваю в себя столько черничного мартини, сколько помещается во рту. Дайя, моя лучшая подруга, смотрит на меня, совершенно не впечатленная и с большим нетерпением, судя по изгибу ее бровей.

Думаю, мне нужен рот побольше. В нем поместилось бы больше алкоголя.

Но я не произношу это вслух, потому что, могу поспорить на левую половину своей задницы, ее следующей реакцией будет предложение поместить в него большущий член вместо этого.

Я не отвечаю и продолжаю сосать соломинку, она протягивает руку и отрывает пластик от моих губ. Я осушила стакан пятнадцать секунд назад и далее уже просто втягивала через соломинку воздух. И это самое активное воздействие на мой рот за последний год.

— Личное пространство, — бурчу я, оставляя стакан в покое.

Прячу глаза от Дайи, высматривая в ресторане официантку, чтобы заказать еще один мартини. Чем быстрее я снова засуну соломинку в рот, тем быстрее я смогу игнорировать этот разговор дальше.

— Не увиливай, сучка. У тебя плохо получается.

Наши глаза встречаются, и через секунду мы обе взрываемся смехом.

— Видимо, трахаться у меня тоже получается плохо, — говорю я, когда наш смех стихает.

Дайя бросает на меня укоризненный взгляд.

— У тебя было много возможностей. Просто ты ими не пользуешься. Ты привлекательная двадцатилетняя женщина с веснушками, отличными сиськами и задницей, за которую можно умереть. Мужики ждут прямо здесь.

Я пожимаю плечами, снова отмахиваясь. Дайя не так уж и ошибается — по крайней мере, касательно возможностей. Просто я не заинтересована ни в одной из них. Они все мне наскучили. Все предложения, которые я получаю, — это «что на тебе надето», «не хочешь ли заглянуть ко мне» и подмигивающий смайлик в час ночи. На мне те же треники, что и всю прошлую неделю, с таинственным пятном в промежности, и нет, черт побери, не хочу я заглядывать к тебе.

Дайя выжидающе протягивает руку.

— Дай-ка мне свой мобильник.

Мои глаза увеличиваются.

— Нет, черт побери.

— Аделин Рейли. Дай мне. Свой. Чертов. Телефон.

— Или что? — передразниваю я.

— Или я брошусь на тебя через стол, опозорю тебя до безобразия и все равно добьюсь своего.

Мой взгляд наконец-то находит нашу официантку, и я подзываю ее. С отчаянием. Она бросается ко мне, вероятно, решив, что я обнаружила в своей еде волос, хотя на самом деле сейчас меня беспокоит шило в заднице моей подруги.

Тяну время еще немного, интересуясь у официантки, какой напиток она посоветует. Я бы взглянула на барное меню еще разок, если бы заставлял ее ждать, когда у нее есть и другие столики, не было невежливым. Так что,

увы, выбираю клубничный мартини вместо зеленого яблока, и официантка снова удаляется.

Вздыхаю и отдаю телефон Дайе, сильно шлепнув ее по протянутой руке, потому что ненавижу ее. Она торжествующе улыбается и начинает что-то набирать, озорной блеск в ее глазах становится все ярче. Ее большие пальцы переходят на турбо-скорость, в результате чего золотые кольца на них, практически расплываются.

Ее шалфейно-зеленые глаза светятся такой злобой, какую можно повстречать разве что в сатанинской Библии. Если бы я немного поискала, уверена, что нашла бы там и ее фотографию — секс-бомбу со смуглой кожей, прямыми черными волосами и золотым кольцом в носу.

Вероятно, она злой суккуб² или что-то в этом роде.

— С кем ты переписываешься? — вою я, едва не топя ногами, словно ребенок. Я держусь, но уже близка к тому, чтобы дать волю своей социальной тревоге и сделать что-нибудь бредовое, например, устроить истерику посреди ресторана. Возможно, дело усугубляется тем, что я пью уже третий мартини и в данный момент слегка жажду приключений.

Дайя поднимает глаза, блокирует телефон и возвращает его. Я сразу же открываю сообщения и начинаю листать их. Из моей груди вырывается стон, когда я вижу, что она занималась виртом с Грейсоном. Не переписывалась — виртовала.

— «Забегай вечером и отлижи мою киску. Я жажду твой огромный член», — сухо читаю я вслух.

И это не все. Дальше — то, как я возбуждена и трогаю себя каждую ночь, думая о нем.

Я рычу и бросаю на нее самый мерзкий взгляд, на который только способна. По сравнению с моим лицом даже мусорный бак показался бы домом мистера Пропера.

³ В средневековых легендах демон похоти и разврата, посещающий ночью молодых мужчин и вызывающий у них сладострастные сны.

— Да я бы так ни за что не сказала! — недовольно заявляю я. — Это даже не похоже на меня, ты — просто сука.

Дайя хохочет во весь голос, демонстрируя крошечную щель между передними зубами.

О, как я ее ненавижу.

Мой телефон пиликает. Дайя почти подпрыгивает на месте, пока я размышляю, не науглугить ли мне «1000 способов умереть», чтобы пополнить их коллекцию новой историей.

— Прочитай, — требует она, и ее хваткие ручонки уже тянутся к моему телефону, чтобы узнать, что ответил Грейсон.

Я выхватываю мобильник из ее рук и открываю сообщение.

«Вот ты и пришла в себя, детка. Буду в восемь».

— Не помню, говорила ли я тебе об этом, но я чертовски тебя ненавижу, — ворчу я, одаривая подругу очередным мрачным взглядом.

Она улыбается и потягивает свой коктейль.

— Я тебя тоже люблю, крошка.

— Черт, Адди, я скучал по тебе, — выдыхает мне в шею Грейсон, прижимая к стене.

Утром на моем копчике будет синяк. Я закатываю глаза, когда он снова впивается в шею, и стону, когда он вставляет свой член между моих бедер.

Решив, что мне нужно прийти в себя и выпустить пар, я не стала отменять встречу с Грейсоном, как хотела сделать сначала. И как все еще хочу. Я уже пожалела о своем решении.

Теперь он прижимает меня к стене в моем жутком коридоре. Кроваво-красные стены украшают старомодные бра,

между которыми — десятки семейных фотографий разных поколений. Я чувствую, как они смотрят на меня, в их глазах презрение и разочарование, когда они видят, как их потомка собираются отыметь прямо у них на глазах.

Работает всего несколько лампочек, и они подсвечивают лишь паутину, которой опутаны. Остальная часть коридора темна, и я только и жду, что оттуда выползет демон из фильма «Проклятие», чтобы у меня появился повод сбежать.

В такой ситуации я бы точно подставила Грейсону подножку и мне было бы совершенно не стыдно.

Он шепчет мне на ухо еще какие-то грязные словечки, в то время как я рассматриваю бра, висящее над нашими головами. Грейсон как-то вскользь упоминал, что боится пауков. Интересно, смогу ли я незаметно дотянуться до паутины, достать из нее паука и посадить его на рубашку Грейсона?

Это подгонит его задницу обратиться отсюда, и, вероятно, он так смутится, что больше никогда не заговорит со мной. Полная победа.

Как раз в тот момент, когда я собралась привести свой план в исполнение, он отшатнулся назад, тяжело дыша от всех этих сольных французских поцелуев, которыми занимался с моей шеей. Словно ждал, что она лизнет его в ответ или что-то в этом роде.

Его медные волосы взъерошены моими руками, бледная кожа покрыта румянцем. Проклятие рыжих, я полагаю.

В остальном у Грейсона все в порядке с внешностью. Он горяч как сам грех, у него прекрасное тело и убийственная улыбка. Жаль, что он не умеет трахаться и, кроме того, полный и безоговорочный придурок.

— Пойдем в спальню. Мне необходимо оказаться внутри тебя прямо сейчас.

Внутренне я содрогаюсь. Внешне... я содрогаюсь тоже. Я пытаюсь скрыть это, стягивая через голову свою рубашку. Внимание у него как у бигля. Как я и предполагаю.